

СЛОВАРИ

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2013.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. 1983. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3386/%D0%A1%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9D%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95. Дата обращения: 13.05.17.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 2000.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для студентов филолог. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1982.

Бектешева А. В.
студентка УрФУ,

Бортников В. И.
*канд. филол. наук, асс. каф. русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ*

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ В СТИХОТВОРЕНИИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА «ВРЕМЫШИ-КАМЫШИ»

Поэт-футурист Велимир Хлебников известен отечественному читателю в первую очередь благодаря своему словотворчеству. Стремление футуристов обнаружить некие первоосновы языка и речи нередко приводило к созданию новых, зачастую совершенно непонятных и необыкновенных лексических единиц [См.: Степанов 1975: 127]. Проф. В.П. Григорьев писал: «...“непонятность” Хлебникова – это следствие и нашей непонятливости, непонимания действительно сложной реальности хлебниковского творчества» [Григорьев 1986: 11–12].

Современные исследователи вслед за В. П. Григорьевым отмечают ряд специфических особенностей хлебниковского словотворчества:

1) «непосредственное обращение к корню слова как носителю ядра лексического значения» при «образовании новых слов, зачастую напоминающих древнеславянскую речь, при помощи различных префиксов и суффиксов (в том числе квазификсов)»;

2) так называемая «звукопись» футуристов, требовавшая подбора слов по некоей эмоциональной звуковой выразительности;

3) попытка подняться над «инстанцией буквы», над знаковой стороной слова – создание «надieroглифического языка понятий» [Масленников, Шарипов 2010: 105].

Предметом рассмотрения в рамках данной статьи послужили окказиональные образования в стихотворении В. Хлебникова «Времышы-камышы». Приведем анализируемый текст полностью:

*Времышы-камышы
На озера береге,
Где камня временем,
Где время камнем.
На берега озере,
Времышы, камышы
На озера береге
Священно шумящие.*

Современной лингвистике известны два понимания окказионализмов: широкое и узкое. Разграничим их с опорой на словарь «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» под ред. проф. А. П. Сковородникова (2014). Согласно первой концепции [Лопатин 1973, Лыков 1976 и др.], «в состав окказионализмов включаются все одноразовые слова, создаваемые в речи в определённой ситуации и с определённой задачей, независимо от того, образованы они по имеющимся в языке моделям <...> или с их нарушением» [Сковородников, Евсеева 2014: 357]. Это широкое понимание противопоставляется узкому [Намитоква 1986; Земская 1992 и др.], согласно которому к окказионализмам относятся лишь индивидуально-авторские новообразования, нарушающие (в отличие от потенциальных слов) языковые модели [Евсеева 2014].

На первый взгляд, анализируемое стихотворение вообще не имеет окказионализмов в узком понимании и содержит лишь один окказионализм в понимании широком – это слово *времышы(u)*, обозначающее предмет-носитель признака «временный» (ср.: «предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом», 3-й семантический подтип: *мякиши*,

ладыш, круглыш, голыш [Русская грамматика 1980, т. I: 174, § 303]) и образованное, таким образом, суффиксальным способом по существующей в языке модели «прилагательное + *-ыш* → существительное». Существует и вторая трактовка, согласно которой *времыш* – результат «скорнения» [Григорьев 1986: 144], или «междусловного совмещения» [Улуханов 1996: 54]: *времыш* < *время* + *камыш* (совмещение по общей фонеме и/или графеме либо их ряду, ср. пример И. С. Улуханова *камаз* < *КамАЗ* + *амазонки*). В такой трактовке оказывается переосмыслена и морфемная структура слова *камыш*: повторяющаяся финаль *-ыш(и)* у В. Хлебникова позволяет считать, что поэт выделял «квазификс» *-ыш* и в этом слове [Григорьев 1986: 144].

Итак, реализованное поэтом потенциальное слово *времыш* и реально существующее в языковой системе *камыш* в контексте анализируемого стихотворения влияют друг на друга формально и семантически. Потенциально суффиксальное *времыш* переосмысливается как окказионализм-совмещение (сращение, скорнение) с компонентом *камыш*, а не имеющее аффиксов в системе русского языка *камыш* (тюркизм, «ср. тур., тат. *катуш* с тем же знач.» [ТСРЯ 2011: 320] под влиянием *времыш* наделяется «квазификсом» *-ыш*. Семантическое же взаимовлияние этих лексем уже не раз описывалось исследователями при интерпретации данного стихотворения, ср.: «Имеет смысл отметить отнесенность первого <т. е. *камыш* – А. Б.> к денотату пространственной семантики, а второго субстантива-неологизма¹ <т. е. *времыш* – А. Б.> к временному лексико-семантическому полю. <...> здесь именно ошутимо движение без-условно определенного... вектора к конкретно-предметной пространственной координате» [Ганин 2011: 26–27].

Исследователи не раз обращали внимание и на то, что в первой строке *времыш-камыш* записано через дефис, а в строке шестой – через запятую. Как отмечает М. В. Ганин, «синтаксическая цельность распадается на элементы, сохраняющие, тем не менее, однородность в шестом стихе» [Там же: 27]. Таким образом, *времыш-камыш* как окказионализм переходит с лексического на синтаксический уровень и может рассматриваться как подчинительное словосочетание с типом связи «согласование» в первом случае (ср. примеры из «Русской грамматики» 1980 г.: *дом-башня, ясли-новостройка* [т. II: § 1728, с. 20]) и как сочинительное словосочетание с бессоюзной связью компонентов во втором (в варианте записи *времыш, камыш*).

Из сказанного следует, что к окказионализмам вообще и к хлебниковским новообразованиям в частности применима концепция языковых уровней, раз-

¹ В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» окказиональные слова рассмотрены в статье «Неологизмы» [ЛЭС 1990: 331].

работанная в отечественной науке В. В. Виноградовым, Н. Д. Арутюновой, В. М. Солнцевым, Э. В. Кузнецовой и мн. др. учеными (см., в частности, [Кузнецова 1983]). Представляется возможным говорить о фонетических окказионализмах¹, окказионализмах словообразовательных (традиционное понимание термина), семантических и синтаксических [Бабенко 1997; Сенько 2000; Попова, Рацибурская, Гугунава 2005; Грищева 2010; Иванова, Середко 2017 и мн. др.]. При таком, предельно широком подходе окказионализмом можно считать еще и форму *каменьем* (строка 4).

Возникает эта форма в результате хиастического (т. е. по принципу хиазма) построения *где каменья временем – где время каменьем*. Заметим, что форма *каменья* фиксируется словарями как «устар. или прост.» [ТСРЯ 2011: 319] при нормативном *камни*. Использование же формы *каменье* – яркое свидетельство стремления футуристов обнаружить некие первоосновы языка, о чем уже упоминалось выше, поскольку **КАМЕНИЕ** – старославянская собирательная форма от *камы* ‘камень’. Ср. в Библии: «Аще сии умолчать камение возопиет» (Лк. 19: 39–40). Стяжение же финали *-ие* до *-ье* у Хлебникова – типичное старославянско-русское соответствие (ср. *воскресение* – *воскресенье*, *Наталия* – *Наталья*), возникавшее вследствие сокращения так называемого напряженного редуцированного *и* в слабой позиции. Не существующая в современном русском языке, форма *каменьем* может быть признана грамматическим (морфологическим) окказионализмом, имеющим, однако, историческое основание своего формообразования и несущим семантику чего-то первобытного, некоей каменной первоосновы.

Подведем итоги. Теория языковых уровней позволяет реализовать более широкий подход к окказионализмам и, в частности, у В. Хлебникова интерпретировать ряд авторских новообразований как окказиональные. Если окказионализмов фонетических в стихотворении «Времышы-камышы» не обнаруживается, то с повышением языкового уровня повышается и количество единиц, потенциально считаваемых окказиональными: *времяши* на уровне словообразовательном; *каменье* – на уровне морфологии; *камышы* (и, возможно, *священно*) на уровне семантическом; *времяши-камышы* (в двух вариантах записи) и, вероятно, *на берега озере* – на уровне синтаксическом. Названные единицы свидетельствуют о пересечении языковых уровней (так, *каменье* можно считать и морфологическим, и семантическим окказионализмом

¹ Термин встречается у Н. А. Купиной при анализе стихотворения В. В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино. Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.), в частности, при анализе слова *горбил*. Ср.: «*Горбил* – фонетический окказионализм (ср. нормативное *горбить*)» [Купина 1980: 65].

вследствие приращения «исторического» смысла) и о возможности полевой интерпретации парадигмы окказионализмов в анализируемом стихотворении.

СЛОВАРИ

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Сковородников А. П., Евсеева И. В. Окказионализмы // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 357–358.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1997.

Ганин М. В. Универсум стихотворения В. Хлебникова «Времяши-камышы»: актуализация динамизированного пространства «священного шума» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 4–2 (72). С. 25–31.

Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986.

Грищева Е. С. Уровневая системность речевых новаций в современном русском языке // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 50–56.

Евсеева И. В. Окказиональное словотворчество как средство выразительности // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 358–359.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Иванова С. А., Середко А. О. Окказиональные лексические единицы в английском фантастическом романе второй половины XX века: переводческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77). С. 109–113.

Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983.

Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Просвещение, 1980.

Лопатин В. В. Рождение слова. М.: Наука, 1973.

Лыков А. Г. Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово). М.: Высш. школа, 1976.

Масленников Д. Б., Шарипов А. Р. Велимир Хлебников: «заумь» или «безумь»? // Вестник ВЭГУ. 2010. № 3 (47). С. 103–109.

Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: Словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону, 1986.

Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2005.

Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX в.: межкультурный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2000.

Степанов Н. Л. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1975

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: [б. и.], 1996.

Дао Динь Тхао
аспирант УрФУ

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПРОЕКЦИИ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ¹

Мир находится в процессе глубокой глобализации, охватывающей все области человеческой деятельности. При этом актуальным остается вопрос о межкультурной коммуникации, предполагающей «коммуникативное взаимодействие представителей разных культур» [Гузикова, Фофанова 2015: 3]. Коммуникация может быть успешной или неуспешной. Успешной признается «адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание» [Красных 2001: 172]. В случае неуспешной коммуникации возможны «коммуникативный сбой» и «коммуникативный провал» [Там же]. Успешность общения зависит от множества факторов. Среди главных препятствий, затрудняю-

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02.А03.21.0006.